

Глава 1

— Ой, господи праведный, разрази меня гром! Не жить мне больше, не жить! — истошный, визгливый вопль разорвал полуденную тишину ясного дня.

Старая госпожа Ли опять затянула свою унылую волынку. Соседи давно привыкли к этим концертам: поначалу ещё прибегали утихомирить разбушевавшуюся старуху, но за столько лет притерпелись и перестали обращать внимание.

— Опять Гоудань бабку довёл, — усмехались бабы у плетня.

— Чего на сей раз утянул?

— Ну и скряга же карга! Любимчиков себе выбрала, а на этого паршивца и крошки жалеет. Стоит мальцу кусок в рот взять — сразу проклятиями исходит, будто он у неё кусок золота выдрал.

— Да что вы понимаете! Бабка, какая бы ни была, а всё ж старшая, — ворчали деревенские старики, попыхивая самосадом. — Мать-то его сбежала, воспитывать некому, вот он и ворует. Разве ж так можно? Без мужской руки парень совсем от рук отбился.

— Да ладно вам — «ворует»! Свой же люди, в одной семье кражи не бывает. Скажете тоже, срам один.

— И то верно, одна кровь. Да и сколько тому Гоуданю? Мой сорванец куда хуже куролесит, я его и то пальцем не трогаю.

— Ох, не доведут эти повадки до добра. Вырастет — лиходеем станет.

О чём бы там ни судачили кумушки на улице и как бы ни убивалась старая госпожа Ли, Гоуданю до этого не было никакого дела.

Он уже в два счёта перемахнул через изгородь, шмыгнул за ворота и припустил к околице. Пускай бабка хоть кулаками о землю бьётся да проклятиями исходит — его это не задевало. Ни горячо ни холодно.

— На, А-Сюань, держи. Ешь быстрее, — Гоудань протянул товарищу добычу.

Ван Сюань угощение не взял. Он испуганно покосился на приятеля:

— Брат Гоудань, ты опять у бабки стянул? Я слышал, как она на всю улицу костерила тебя.

— Ну и зануда же ты! Будешь или нет? Твоя тётка увидит — опять шкуру спустит.

Ван Сюань понимал, что воровать нехорошо, но в животе от голода давно урчало — тётка Хэймэй со вчерашнего дня крошки в рот не давала. Запечённый батат в чумазой ладони Гоуданя пах так сладко, что устоять было выше его сил.

«Прости меня, господи», — мысленно взмолился Ван Сюань.

Он выхватил клубень и принялся жадно, давясь, его уплетать.

— Брат Гоудань, на, отломи половину.

Мальчишки разделили батат на двоих. В те голодные годы, когда главным делом было просто набить брюхо, о морали думалось меньше всего, да и откуда у мальчишек взяться строгим понятиям о грехе и добродетели?

— Ван Сюань! Куда тебя черти унесли, дармоед паршивый?!

Едва услышав резкий голос тётки Хэймэй, Ван Сюань весь сжался. Тело, помнящее жестокие побои, задрожало мелкой дрожью.

— Я... мне пора бежать, — пролепетал он, пятясь. — Ты тоже берегись. И больше не воруй у бабки, а то побьёт.

— Да знаю я, знаю! Проваливай давай.

«И чего он так трусит перед этой мегерой? — недоумевал Гоудань, глядя вслед приятелю. — Будь я на его месте, давно бы показал характер. Не можешь сладить со взрослой бабой — отыграйся на её щенке! Младший-то у неё совсем сопляк, окуни его пару раз головой в бочку с водой — мигом бы заткнулся».

Гоудань лениво похлопал себя по штанам, стряхивая сухую грязь. На встречу с приятелем он пробирался через полуразрушенную мазанку на краю деревни. Какого цвета его штаны были изначально, не помнил никто, включая самого хозяина — теперь они сливались с жирной местной почвой.

А ведь когда-то их сшила мать из старого отцовского тряпья, ещё перед тем как сбежать.

Закинув руки за голову, Гоудань вышагивал по улице, выпятив грудь колесом, точно победоносный петух. Он шёл вразвалочку, лениво поплёвывая по сторонам, и ни капли не тревожился из-за недавней кражи. На прохожих малец взирал высокомерно, сквозь щёлочки прищуренных глаз — вылитый деревенский лоботряс.

Ему едва исполнилось восемь, но в собственной голове он давно числился взрослым, умудрённым жизнью мужиком.

Его отец, Ли Сы, был человеком тихим и безответным до глупости. Настоящий работяга-пахарь. Родившись четвёртым по счёту в огромной семье, где старших почитали, младших баловали, а до него, застрявшего посередине, никому не было дела, он привык помалкивать. Сколько себя помнил, Ли Сы лишь молча гнул спину в поле, не заслужив от родителей даже доброго слова.

Лишь к тридцати годам его сосватали. Женой Ли Сы стала немая девка из соседнего села — невзрачная, забитая нелюбимица. Родня отдала её за бесценок, лишь бы сбыть с рук лишний рот.

Двое неприкаянных сошлись под одной крышей, и житья им стало ещё солонее. Старая госпожа Ли, чьё сердце давно заросло сорняками, помыкала невесткой и сыном словно скотиной. Несчастные супруги света белого не видели от непосильного труда.

Гоудань рос малым смышлёным и рано смекнул, как устроен этот мир. Какое отношение доставалось родителям, то перепадало и ему — объедки с барского стола да тумачи.

В большой семье Ли вечно плелись интриги, но разъезжаться никто не спешил — вели общий стол, вместе выходили в поле зарабатывать рабочие баллы. И всякий раз четвёртая ветвь получала самую тяжёлую, грязную работу, а при дележе добычи их неизменно обносили.

Особенно доставалось немой матери. Ей приходилось молча сносить любые издевательства — каково это, быть безъязыкой? Свекровь то и дело повторяла, что невестка-калека принесла в дом несчастье, и гоняла несчастную женщину и в хвост и в гриву.

Муж в доме был пустым местом, да и она среди снох не смела поднять глаз.

Но терпению любой безъязыкой приходит конец. Когда Гоуданю исполнилось четыре года, его мать взбунтовалась.

Она сбежала. Просто растворилась в предрассветном тумане. Поговаривали, скооперировалась с каким-то заезжим работягой — тот тоже был бобылём не первой молодости. Как они сговорились, учитывая её немоту, осталось тайной.

Для почтенного семейства Ли это стало несмываемым позором. Надо же, какая-то калекка обвела всех вокруг пальца! Злость сорвали на Ли Сы и маленьком Гоудане. Жизнь отца и сына превратилась в сущий ад, точь-в-точь как в старой песне про горькую полынь.

Вскоре отец Гоуданя тяжело занемог и не смог больше выходить в поле. Старая госпожа Ли исходилась ядовитой слюной, обвиняя сына в нахлебничестве. Она ежедневно врывалась в его

каморку и, брызжа слюной, устраивала дикие пляски у постели больного.

Пятилетний Гоудань, худой и ободранный, сжимался комочком у ног больного отца. Он молча смотрел, как бабка тычет скрюченным пальцем в лицо Ли Сы. Старуха орала, брызгала слюной, и в какой-то момент мальчишке до смерти надоел этот визг. Он решительно встал, взобрался на кровать, подпрыгнул и со всего размаху влепил старухе звонкую пощёчину.

Соседи клялись, что через открытое окно слышали сочный шлепок и детский, но на удивление звонкий крик:

— Проваливай!

Крепкое словцо парень явно перенял у самой бабки.

Силы малец не пожалел. Ручонка хоть и маленькая, но удар вышел чувствительным. Старуха Ли ошалела от такой дерзости и взвыла раненым зверем.

Было Гоуданю тогда ровно пять лет.

Разумеется, даром это ему не прошло.

Разве могла властная карга спустить такое? Сбежавшиеся на крик дядя и тётки схватили Гоуданя за шкурку, швыряя из рук в руки, а бабка рвалась забить щенка до смерти.

Тогда больной отец, преодолевая слабость, скатился с постели и закрыл сына своим телом. Весь гнев разъярённого семейства обрушился на спину Ли Сы. Ему исполосовали всю спину бамбуковыми розгами. Если бы не прибежавшие на шум соседи, забила бы лихая семейка бедолагу до полусмерти.

После этого побоища их выставили за порог. Родня спешно оформила раздел имущества, вышвырнув отца с сыном вон. Из хозяйства им не досталось ни плошки. Лишь благодаря заступничеству бригадира, который лично выделил бедолагам немного зерна из колхозных запасов, они не умерли с голоду в первую же неделю.

Приютом для них стала полуразрушенная хижина на окраине, оставшаяся после смерти одинокого старика.

Крыша над головой худая, но от дождя укрывала. Бригадир выхлопотал для Ли Сы лечение в уездной больнице в счёт будущей работы.

Сейчас отец с сыном перебивались с хлеба на воду. Заработанного отцом вполне хватило бы на скромную жизнь, да только старая госпожа Ли повадилась регулярно навещать к ним во

двор и уносить лучшую долю припасов под видом «сыновней дани».

Впрочем, та давняя драка, несмотря на жестокую расправу, пробудила в Гоудане бунтарский дух. Страх перед бабкой пропал напрочь.

Мальчишка словно перешагнул незримую черту, которую его робкий отец так и не осмелился пересечь. Стоило старухе завести свою волынку, как Гоудань лез на рожон: ругался, швырял в неё камни и ни в грош не ставил её старшинство.

Рос он настоящим сорванцом, чьи дикие выходки заставляли хмуриться даже бывалых мужиков. Язык у мальчишки был подвешен дай бог каждому: лаялся он хлётко, бил по самым больным местам. Деревенские хоть и презирали старую госпожу Ли за её жадность, но и дерзкого пострела Гоуданя сторонились.

<http://bllate.org/book/19654/1943703>